ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՏԵՂԵԿԱԳԻՐ
ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
Հասարակական գիտություններ № 2, 1956 Общественные науки

С. Мнацаканян

Об одном новом памятнике VI—VII веков

Публикуемый здесь впервые памятник, незарегистрированный в научной литературе, находится вблизи села Свердлов, Степанаванского района, и относится к эпохе V—VII вв. Этот памятник как по своим плановым формам, так и общей композицией представляет неизвестное до сих пор звено в общей цепи типологического развития армянского зодчества.

Памятник находится на расстоянии пяти километров к северо-востоку от села Свердлов и расположен на гряде холмов, возвышающихся на правой стороне нешироκой долины горной речки.

Церковь сравнительно хорошо сохранилась и, как показывает обследование, дошла до нас без всяких переделок.

По своему типу это крестовокупольное, триконхное, с угловыми помещениями на восточной стороне сооружение; на северную, восточную и южную стороны от центрального подкупольного пространства раскрываются образующие три ветви креста абсиды, а с западной стороны примыкает прямоугольный, несколько вытянутых пропорций западный рукав.

Между восточной подкупольной аркой и главной абсидой помещена сравнительно широкая бэма, куда открываются входы двух прямоугольных в плане и также вытянутых в направлении с востока на запад угловых помещений.

Над центральным пространством, образованным пересечением двух основных рукавов креста, возвышается барабан купола, поддерживаемый двухъярусной системой тромпов.

Корпус здания покоится на двухступенчатом пьедестале, огибающем все здание по его контуру. Стены, толщина которых колеблется в пределах 93—95 см, возведены из больших квадров фильзитового туфа бледнозеленой расцветки, с течением времени подвергшихся выветриванию.

В отличие от стен, арки, своды и тромпы, а также и весь барабан вместе с куполом, возведены из более прочного черного туфа, и поэтому сохранность этих элементов в значительно лучшем состоянии.

Шелыги цилиндрических сводов выведены узкой каменной полосой, а абсиды, перекрыты сферическими конхами, в замках находится (как и ряд армянских памятников VII века) камень с прямоугольной выступающей частью, замыкающий одновременно и шелыгу приконховой арки.

Хотя сохранились основные несущие конструктивные элементы перекрытий (за исключением южной конхи), покрытия всех частей храма разрушены.

Почти целиком разрушена также и западная подкупольная арка, и

фактически весь барабан (который, впрочем, сохранился не плохо) с западной стороны находится на висячем положении.

Церковь имеет всего два входа, и оба они расположены на ее южной стороне.

Главный вход раскрыт в середине южной абсиды и представляет прямоугольный проем, перекрытый горизонтальной каменной цельной перемычкой, над которой в свою очередь перекинута широкая арка, заложенная с южной стороны тонкой каменной плитой, способ перекрытия которой особенно характерен для армянского зодчества VII века. В отличие от главного входа, второй вход, расположенный у самого западного угла южного фасада, имеет несколько меньшие размеры и перекрыт простой арочной перемычкой.

Своеобразное расположение имеют окна церкви. Основное помещение освещается семью окнами, из которых по одному окну расположены на восточной и западной сторонах, два окна на южной стороне и три окна расположены на восточной, южной и западной сторонах барабана.

Такое расположение окон, когда ни одно из них не раскрывается на север, представляет в купольных сооружениях редкое исключение, и если в этом не усмотреть пережитков древних базилик, то можно объяснить лишь расположением церкви, северный фасад которой выходит на крутой скат горы, у подножья которого и стоит само сооружение.

По обе стороны главной абсиды, алтарная часть которой, как и в армянских памятниках V—VII вв., возвышается над полом всего на одну ступень, расположены прямоугольные в плане угловые помещения, из которых южное значительно отличается от северного своей более тщательной обработкой.

На западной стене этого помещения, почти во всю его ширину, устроена большая, с арочным перекрытием ниша, низ которой всего на 40 см возвышается над уровнем пола.

Восточная часть комнаты перекрыта крестовым сводом, западный рукав которого продолжен дальше и составляет перекрытие остальной части помещения, уже в виде простого цилиндрического свода. Кроме того, в отличие от северо-восточной комнаты, это помещение освещается двумя окнами, расположенными на восточной и южной сторонах. Различные обработки имеют даже входы. Тогда как вход, ведущий в северо-восточное помещение, перекрыт простой арочной перемычкой, перекрытие входа в юго-восточное помещение в точности повторяет решение главного входа с горизонтальной перемычкой из цельного камня и возвышающейся над ним аркой-люнетом, которая также с одной стороны заложена тонкой каменной плитой.

Все это указывает на различное назначение этих помещений. Можно предположить, что именно в южной комнате помещался диаконник, тогда как северо-восточное помещение служило лишь ризницей. Как и в других сооружениях данного типа, купол опирается на расположенные в четырех углах подкупольного пространства выступы, оформленные в виде ступенчатых устоев, верхние части которых украшены очень характер-

ными для армянских памятников V—VII вв. импостами, завершающимися легкими выкружками. Но самое интересное здесь — это форма самого купола, по своему характеру не имеющая прямых аналогий во всей

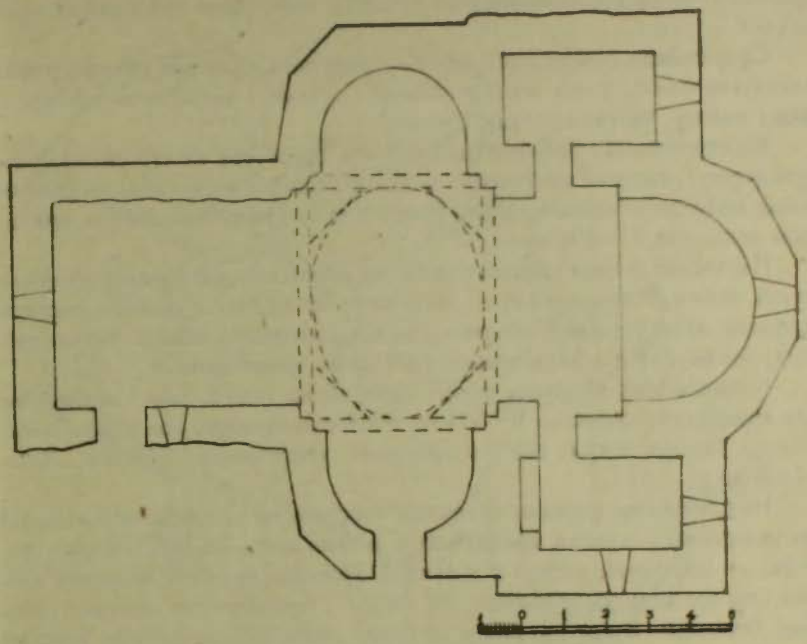

Рис. 1. План.

истории армянского зодчества. Если в армянских памятниках VI—VII вв. основанием купола обычно являлся квадрат (не считая многоабсидных храмов), то здесь основанием купола служит не квадрат, а прямоугольник с отношением сторон 3 : 4.

Такая необычная форма подкупольного пространства создавала немало трудностей чисто конструктивного характера, блестящее решение которых свидетельствует о высоком мастерстве зодчего.

Архитектор не пошел по обычному заманчивому пути создания равностороннего снутри барабана, а смело поместил четыре основные тромпы перпендикулярно биссектрисам углов, достигнув этим наряду с отличным конструктивным решением и высокого художественного эффекта.

Симметрично расположенные относительно каждого в отдельности устоя четыре мощные тромпы оставляют цельное и законченное впечатление. Каждая из четырех больших тромпов сложена из пяти правильных клиновидных камней, передние плоскости которых обрамлены с лицевой стороны полуциркульными арками.

Непосредственный переход к полусфере купола осуществляется посредством второго яруса небольших тромпов, высеченных уже в одном

камне и расположенных на один ряд выше верха арок основных тромпов.

Полученный таким образом неравносторонний, вытянутый в длину шестнадцатиугольник и служит основанием для овалообразного в плане купола, от которого, к сожалению, остались всего лишь три нижних ряда кладки.

Сферическая поверхность купола украшена шестью симметрично расположенными, чисто декоративными лучами, заканчивающимися в своих нижних частях простым срезом.

Конструктивные формы самого купола (несмотря на его овалообразную форму), система тромпового перехода, способ декоративного оформления полусферы купола имеют целый ряд прямых аналогий в армянском зодчестве VI—VII вв.

Наружные формы церкви полностью отражают внутреннее членение плана. Многоугольные выступы восточного, северного и южного фасадов и низкие прямоугольные объемы угловых помещений ясно и четко передают все внутреннее расположение основных частей церкви.

Внешнее многоугольное оформление абсид опять-таки характерно для армянского зодчества V—VII вв. и широко известно как в базиликах (Касах, Егвард и др.), так и в купольных сооружениях (Мрен, Багаран и др.).

Над всеми наружными объемами сооружения возвышается мощный восьмигранный барабан, пронизанный окнами лишь на трех главных сторонах — восточной, южной и западной. Главным фасадом является южный, на котором расположены все входы и большинство оконных проемов. Основным акцентирующим мотивом этого фасада служит мощный пятигранный выступ, в средней части которого и пробит главный вход в церковь. Почти на одной плоскости с этой гранью, лишь очень незначительно выступая за нее, идет южная стена юго-восточного углового помещения, закрывающая нижнюю часть южного пятигранного выступа.

Хотя размещение угловых помещений между двумя абсидами известно в целом ряде памятников армянского зодчества VI—VII вв. (Аван, Рипсиме и др.), однако данный способ резко отличается от всех до сих пор известных решений и является одним из характерных сторон этой церкви.

Из декоративных элементов хорошо сохранились лишь карнизы подкупольного прямоугольника и самого барабана. Сохранились также отдельные фрагменты как карнизов пятигранных конх, так и оконных бровок южного и восточного фасадов.

В отличие от карниза подкупольного прямоугольника, представляющего простую плиту, завершающуюся узкой полоской со срезом в 45° в нижней части, карниз барабана несравненно богат и разнообразен. Верхняя часть карниза представляет резко выступающую вперед плиту с подковообразными, несколько вытянутыми в вертикальном направлении и глубоко врезанными арочками, ниже которых идут расположенные под 45° два ряда пирамидальных выступов. Такая форма карниза представляет интересное дополнение к до сих пор известным формам армянских

арочных карнизов, среди которых карнизы с указанными пирамидальными выступами были вовсе неизвестны. Почти аналогичные карнизы украшали также и выступающие пятигранники абсид. Однако, взамен

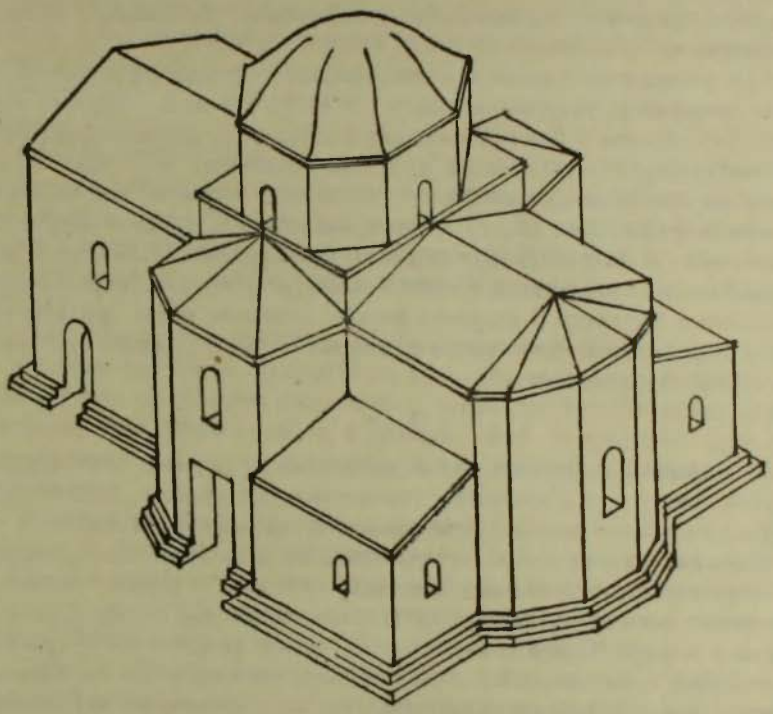

Рис. 2. Схематическая реконструкция наружных масс.

двух рядов квадратных пирамидальных выступов, здесь непосредственно над верхней плитой идет неширокая полукруглая тяга, ниже которой размещен уже только один ряд пирамидальных выступов.

Следует отметить, что этот вариант арочного карниза несколько напоминает карниз церкви Аламана.

Большое разнообразие отмечается и в формах обработки бровок окон. Так, например, арочный мотив применен и на бровке западного окна южного фасада. Но что здесь особенно интересно — это составляющие нижнюю, внутреннюю сторону бровки трапециевидные, расположенные в шахматном порядке два ряда зубцов, аналогия которых в армянском зодчестве встречается в таких ранних памятниках, как однонефная V века базилика и монумент в Одзуне, который также датируется концом пятого или началом VI века[1].

От оконного навершия южного окна юго-восточного придела сохра-

[1] См. *Б. Аракелян*, Сюжетные рельефы Армении IV—VII веков, Ереван, 1949, стр. 46.

нилось очень немного, тем не менее ясно видно, что оно было обработано лишь линейными тягами.

Восточный фасад решен строго симметрично. Основным акцентирующим мотивом здесь является пятигранный выступ главной абсиды, в обе стороны которого расположены сравнительно небольшие объемы приделов.

Из декоративных элементов этого фасада сохранился фрагмент карниза пятигранной снаружи абсиды и следы бровки окна северного придела. Хотя бровка и была сознательно стесена (сохранились следы камнетесного инструмента), все же не трудно установить, что она первоначально представляла известный в армянском зодчестве вид оконного навершия с загнутыми кверху концами, аналогично с бровкой окна большого храма в Одзуне. Западный фасад, оформленный лишь одним расположенным на значительной высоте окном, ясен и строг. Еще больше строгости и суровости в северном фасаде, лишенном вовсе проемов, где лишь одни архитектурные массы отдельных объемов придают ему определенную выразительность.

* * *

Как было уже отмечено, по своим плановым формам эта церковь прочно входит в ряд армянских триконховых памятников, хотя и некоторое своеобразие расположения отдельных элементов значительно отличает ее от уже известных сооружений. Из небольших по размерам триконховых церквей нашему памятнику наиболее близки Аламан и Пемзашен, хотя здесь отсутствуют угловые помещения и все абсиды — равного размера. Определенное сходство можно усмотреть и с храмами типа Двина — Талина, с той лишь разницей, что один и тот же принцип в этих больших кафедралах применен в условиях трехнефной композиции.

Кроме того, целый ряд характерных черт прочно связывает это сооружение с памятниками VI—VII вв. — к этим чертам относятся и снятые под 45° фаски горизонтальных швов, и крестовый свод юго-восточного углового помещения, и декоративные лучи на внутренней, сферической поверхности купола, и двухъярусная система тромпового перехода, а также все без исключения сохранившиеся декоративные элементы. Однако для правильного понимания как хронологического, так и типологического места этого памятника особое значение приобретает анализ его общей композиции.

Плановые формы данного памятника характеризуются определенной базиличностью в распределении масс, где ясно чувствуется стремление зодчего подчеркнуть продольное направление. Хотя в центре всего внутреннего пространства и возвышается купол, общее впечатление горизонтальной протяженности и продольной устремленности внутренних объемов, когда длина помещения примерно в три раза больше ширины, все же остается доминирующим.

Несмотря на то, что расположение недалеко друг от друга аналогичных, но неравных абсид неблагоприятно влияет на единство внутренних

масс, тем не менее зодчий сознательно пошел на это, лишь бы не нарушить доминирующего значения горизонтального, продольного направления. Здесь еще сильны вековые традиции базиличной композиции внутренних пространств культовых сооружений, и ясно чувствуются искания зодчего в его стремлениях сочетать купол с однонефным, вытянутым в длину помещением, в его попытках найти более или менее гармоническое сочетание этих двух диаметрально противоположных принципов композиции.

Именно этим и можно объяснить появление такого совершенно необычного и неизвестного ни в армянском зодчестве, ни в зодчестве соседних народов овалообразного в плане купола[1]. Но здесь встает законный вопрос — что же мешало зодчему сделать все три абсиды равными и таким образом получить ясный и четкий по своим объемным формам купол?

Это, несомненно, нарушило бы доминирующее значение продольного пространства, четко обрисовалось бы и второе, перпендикулярное к основной оси сооружения направление, появилась бы совершенно новая трактовка внутренних объемов, и центром всей композиции стал бы устремленный в высь и поддерживаемый с трех сторон равными абсидами купол.

Кроме этой общей базиличной трактовки, можно указать и на ряд конкретных форм данного сооружения, имеющих прямые аналогии в базиличных сооружениях армянского зодчества. Например, значительная ширина бэма, встречающаяся здесь, хорошо представлена и в базиликах V века (Егвард), и в купольных базиликах VII века (Мрон).

Архаичные черты данного памятника появляются и в перекрытии восточной абсидиальной части, которое, в отличие от купольных базилик VII века (Гаяне, Мрен, Талин), где оно значительно ниже уровня перекрытия главного объема сооружения, здесь устроено на уровне перекрытия всего центрального пространства и повторяет именно такое решение, которое встречается в Текоре. Ряд других элементов этого сооружения, как, например, трапециевидные зубцы бровки южного окна, имеющие прямые аналогии в памятниках V и начала VI вв., а также отсутствие абсид в приделах, тоже говорят о значительной древности этого памятника.

Все эти факты дают нам основание отнести этот памятник к той стадии развития армянского зодчества, когда создавались купольные базилики и купольные залы и когда армянские зодчие еще робко, ощупью разрабатывали композиции, сочетающие в себе принципы базиличности и центричности зданий.

Особая ценность этого памятника заключается именно в том, что здесь наблюдается одна из переходных стадий развития типологических форм армянского зодчества, и именно здесь можно видеть одну из тех

[1] Не совсем правильные, с легкой овалообразностью купола встречаются и в ряде памятников армянского зодчества VI—VII вв. (Аван, Аруч, Талин), но это явление в данных памятниках столь незначительно, что заметно лишь в обмерных чертежах.

попыток, которые предпринимались для сочетания купола с однонефными залами.

Происхождение композиции купольного зала исследователями отмечено как результат развития предшествующих композиционных форм, и как возможные истоки указывались трехнефные базилики и однонефные залы.

Однако сопоставление пропорций соответствующих сооружений дает основание для предположения, что увенчание куполом именно однонефной залы, где ничто не мешало центральному расположению купола, и послужило основой для создания композиции купольных зал.

Возведение купола над однонефным залом было возможно лишь при условии значительного усиления его продольных стен, усиления именно в тех точках, где действовали силы распора. В этом направлении возможных решений, характерных для армянского зодчества, только два: первое, когда распор воспринимают выступающие за пределы прямоугольного объема абсиды, и второе, когда наружные стены с внутренней стороны усиливаются мощными пристенными пилонами.

В купольной церкви из села Свердлов мы имеем именно первый вариант, который, однако, в данной композиции, как явно несовершенный, не получил дальнейшего применения.

Армянские зодчие, для творчества которых было особенно характерно стремление к единым, внутренне нерасчлененным пространствам, к спокойному равновесию масс как в интерьере, так и в экстерьере, не могли не заметить значительных недостатков этой композиции, и естественное их стремление получить правильной формы купол должно было привести к подкупольному квадрату, а отсюда и к равным абсидам. Но в этом случае терялись почти все базиличные черты и получался уже не купольный зал, а вполне четкое, почти центричное сооружение, в котором некоторая вытянутость западного рукава не играет существенной роли (Аламан)

Древнейший пример применения второго варианта встречается в таком раннем памятнике, как Зовуни[1], в котором мощные внутренние пристенные пилоны сильно загораживали и без того небольшой интерьер церкви, свидетельствуя о еще очень робких и также далеких от совершенства попытках в направлении сочетания купола с однонефным залом. Но именно в этом варианте и были заложены те прогрессивные черты, которые больше всего соответствовали общему направлению развития армянского зодчества, почему именно это решение послужило основой для создания той замечательной композиции, которая получила свое высокохудожественное воплощение в Птгни и Аруче.

[1] *Т. Тораманян*, Материалы по истории армянского зодчества, т. II, Ереван, 1948, стр. 128.